

Памяти святых мучеников Хелма

זכר לקדושי חלם

Благодарность

Мне было не одиноко на моем пути к Хелму благодаря множеству присоединившихся ко мне друзей. Я хотела бы поблагодарить всех коллег в Университете Северной Каролины в Чапел-Хилле, которые с 2008 года способствуют тому, чтобы моя профессиональная жизнь развивалась в приятном и полезном ключе, и по мере возможностей поддерживают этот проект. Это Эрик Даунинг, Джонатан Хесс, Клейтон Келб, Ричард Лэнгстон, Радислав Лапушин, Присцилла Лейн, Элеонора Магомедова, Хана Пичова, Инга Полман, Пол Робердж, Станислав Швабрин, Габриэль Троп, Эва Вампушиц, Кристина Вегель, бывшие коллеги Кристофер Путни, Питер Шервуд и Кэтрин Старки, а также административный менеджер Валери Бернхардт; сотрудники Каролинского центра еврейских исследований при университете Яков Ариэль, Карен Ауэрбах, Габриэль Берлингер, Флора Кассен, Даниэль Кристмас, Марси Коэн Феррис, Андреа Купер, Мария Дегузман, Майкл Фигероа, Жанна Фишер, Грегори Флакسمан, Джонатан Хесс, Джозеф Лам, Дэвид Ламберт, Джоди Магнесс, Эвьятар Мариенберг, Роза Перельмутер, Ярон Шемер, Ханна Спринцик и Мартин Суэльдо, бывшие преподаватели факультета Джонатан Боярин и Кристофер Браунинг, а также директор по связям Карен Гаевски. Лучшим наставником и примером для подражания был Джонатан Хесс, возглавлявший факультет германских и славянских языков и литератур и Каролинский центр еврейских исследований.

Неизменным стимулом к развитию стал для меня семинар по еврейским исследованиям Северной Каролины, в котором принимает участие широкое научное сообщество, координируемое Яковом Ариэлем, Малахией Хакоэном и Джули Мелл. То же самое

можно сказать и об университетской программе по изучению Средневековья и раннего Нового времени, которую возглавляли Кэтрин Старки, покойный Дэррил Глесс и Бретт Уэйлен.

Я также благодарна коллегам с факультета германских языков и литературы Университета Дьюка, особенно бывшей коллеге Энн Мари Расмуссен, и докторантам Программы германских исследований университетов Северной Каролины и Дьюка, в частности Мэтту Феминелле, Мэгги Рейф и моим необыкновенным консультантам Дженис Хансен, Аннегрет Оэме и Эмме Вёльк, позволившим мне уделить внимание как им, так и мудрецам. Эмма, кроме того, работала со мной над отдельным проектом по переводу на английский язык с идиша хелмских сказок Исаака Башевиса-Зингера.

Гранты на проведение исследований были предоставлены Колледжем искусств и наук Университета Северной Каролины. Я в долгу перед Биллом Эндрюсом, Джонатаном Хессом и Клейтоном Келбом за дополнительную поддержку, которую они оказывали, пока я работала над этой книгой вдали от Чапел-Хилла. Огромное значение для моего исследования имел год, проведенный мной в Иерусалиме в качестве приглашенной стипендиатки фонда «Яд Ханадив», за это я глубоко признательна попечителям «Яд Ханадив» и Фонда Бераха, сотруднику по стипендиям Натании Исаак-Вешлер, а также моим вдохновляющим наставникам, Хаве Турнянской и Моше Росману. Бесценным было и то время, которое я смогла провести в Институте YIVO в Нью-Йорке в качестве стипендиатки Вивиан Лефски Хорт и в Грайфсвальде в качестве стипендиатки Института перспективных исследований имени Альфрида Круппа. Хотелось бы выразить особую благодарность всем, кто находился одновременно со мной на стипендии в Грайфсвальде, а также академическому директору Кристиану Суму и административному директору Фрее Штайнметц, за создание такой вдохновляющей атмосферы.

Я безмерно благодарна сотрудникам библиотек Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле, Еврейского отдела Нью-Йоркской публичной библиотеки, Бодлианской библиотеки Оксфордского университета, Австрийской национальной биб-

лиотеки, Института YIVO в Нью-Йорке (в особенности Гуннару Бергу и Полу Глассеру) и Национальной библиотеки Израиля (в особенности Авиаду Штольману).

Я также бесконечно благодарна за многочисленные продолжительные, доброжелательные и познавательные беседы о Хелме и еврейской Восточной Европе с Аври Бар-Левавом, Валерием Дымшицем, Дов-Бером Керлером, Моше Росманом и Шаулем Штампфером и о европейской смеховой культуре с Катей Гвоздевой, Моникой Адамчик-Гарбовской, Рахель Ариэль, Карен Ауэрбах, Марком Капланом, Гердой Дикке, Мирьям Гутшоу, Айей Эльяда, Арндтом Энгельхардтом, Амиром Эшелем, Дэвидом Форманом, Франциской Крах, Анной Кушковой, Радиславом Лапушиным, Людгером Либом, Михаилом Лукиным, Ади Махалелем, Эдди Портным, Ореном Романом, Эми Саймон, Габриэль Троп, Мириам Удель, Клаудией Ульбрих, Эли Яссифом и Евой Вампушиц — все они щедро делились своим опытом, отвечали на мои вопросы и указывали источники, а Мартин Кобер любезно проконсультировал меня по вопросам картографии.

Интерес журналиста Матти Фридмана к моему проекту и рассказ о нем в газете «Times of Israel» привел к ряду контактов с другими любителями Хелма, в том числе уроженцами Хелма, за что я также очень благодарна. Мне очень повезло, что в лице Дженнифер Хаммер, старшего менеджера отдела авторских прав издательства *NYU Press*, я нашла человека, не только любящего хелмские истории, но и готового рассматривать их как подходящую тему для научного издания. Я также хотела бы поблагодарить Констанса Розенблюм, Шауля Штампфера и анонимного рецензента издательства *NYU Press* за их многочисленные ценные замечания по рукописи книги.

Я адресую горячие слова благодарности за их участие и поддержку многочисленным коллегам-исследователям и друзьям, среди которых Корнелия Ауст, Элишева Баумгартен, Кристоффрид Беттрих, Яаков Дойч, Тед Фрам, Рашель Гринблатт, Шарон Гордон, Дебра Каплан, Агнес фон Кирхбах, Хенрике Ленеманн, Астрид Лембке, Вернер Рёке, Клаудия Розенцвейг, Дирк Садовски, Фридерике Зегер, Курт Штаус, Рут Шленке, Дагмар Фёлькер, Ребекка

Васович, Юлия Вайтбрехт и Идо Вольф, а также моим уважаемым учителям идиша Ицхоку Ниборскому, Шеве Цукер и незабвенному Песаху Фишману, благословенной памяти. Мой самый большой долг среди многих накопившихся за время работы над этим проектом, — перед моим давним соратником Майклом Терри, который первым предложил мне заняться исследованием хелмской тематики и постоянно убеждал меня продолжить ее изучение. Как собеседник, критик и редактор он внес бесчисленное количество предложений, исправлений и усовершенствований, благодаря которым эта книга стала значительно лучше.

Наконец, я должна выразить особую благодарность Рахель и Якову Ариэль в Каррборо, Северная Каролина, Элиссе Сэмпсон и Джонатану Боярину, ранее жившим в Чапел-Хилле, а также Лине и Моше Росманам в Иерусалиме — все эти люди помогли мне и моим близким почувствовать себя частью их семьи. Балансирование между академическим центром в Чапел-Хилле, домом в Берлине и исследовательскими поездками по всему миру было бы невозможно без чрезвычайно снисходительно относящейся ко мне семьи, не знающей, куда еще занесет меня изучение глупости. Хорст, Кира, Эстер, Амели, Йеско, Розмари и Кристоф, спасибо вам за поддержку и любовь!

Вопросы орфографии и транслитерации

Название города Хелма имеет множество написаний: *Chel'm* по-польски; *Холм* по-украински и в дореволюционном написании на русском; *Хелем* или *Хелм* на идише. Аналогичный набор вариантов может быть применим к названиям различных мест и людей, упоминаемых в этой книге, — названиям, которые могут быть по-разному транскрибированы на идише, иврите, русском, польском или немецком языках. Для простоты я использовала общепринятые английские написания там, где они существуют, например, *Chel'm* вместо польского *Chel'm*. В остальном я старалась придерживаться орфографии, принятой в «Энциклопедии евреев Восточной Европы» YIVO. Там, где требуется транскрибирование идиша латиницей, например, в названиях книг и рассказов, я использовала систему транскрипции YIVO, разработанную для современного идиша, слегка изменяя ее, где это необходимо, для представления старого идиша¹.

¹ При переводе книги на русский язык использовались общепринятые русские названия в соответствии с эпохой, только в случае города Хелма было принято решение использовать современное название. — *Прим. перев.*

Рис. 1. Вымпел из Хелма, 1984 год

Введение

Позвольте мне начать свою книгу с хелмской истории, которую я услышала от выдающейся исследовательницы литературы на идише Хавы Турнянской. Она рассказывала, как в 1984 году вместе с другими израильскими учеными посетила коммунистическую Польшу. Их путь пролегал через Хелм, город с населением около 67 000 человек. Хелм находится на востоке современной Польши, недалеко от украинской границы¹. Израильские ученые, как и многие другие евреи, близко знакомые с рассказами о хелмских «мудрецах», были рады оказаться в столь прославленном в еврейской культуре городе. Заметив газетный киоск со всякой всячиной, они бросились к нему в надежде найти что-нибудь типично местное, чтобы привезти домой.

Не успели израильтяне выстроиться у киоска, как все большее и большее число жителей Хелма стало подтягиваться к ним и вставать за ними в очередь, думая, что выбросили какой-то дефицитный товар, что было вполне логично — ведь именно так воспринимались длинные очереди в странах Восточного блока. Обнаружив, что гости города встали в очередь за какими-то связанными с ним местными сувенирами, они не только удивились, но и озадачились: ведь в польской культуре Хелм как город, полный глупцов, не существовал. О славных «мудрецах» в послевоенном Хелме практически забыли.

Этот случай показателен как пример совершенно разного восприятия Хелма поляками и евреями. Среди поляков-католиков Хелм известен как место культа Пресвятой Девы Марии, в то время как среди евреев с конца XIX века он играет роль *штетла*

¹ От славянского корня «холм».

глупцов par excellence. Притчи о так называемых мудрецах, обширный репертуар историй об интеллектуальной ограниченности неизменно глупых жителей этого прославленного местечка, стали самой известной сказочной традицией восточноевропейского еврейства.

* * *

Почему евреи связывают Хелм с глупостью?² Этот вопрос задается не в первый раз, и ответ на него уже дан: когда Бог создавал мир, он послал ангела с мешком глупых душ и велел распределить их по всему миру равномерно — по одному глупцу на город. Но мешок порвался, и все глупые души высыпались в одном месте. Там они и осели, а место это стало известно как город Хелм.

Возможно, эта версия событий имеет давние корни, но до 1917 года она не встречается. Более того, до написанного в 1872 году на идише романа Айзика Мейера Дика «*Di orkhim fun Duratshesok*» («Субботние гости в Дураческе») нигде не обнаруживается документально подтвержденной ассоциации между хелмскими евреями и глупостью. До 1873 года также не встречается никаких упоминаний словосочетания «хелмские глупцы». Когда же это словосочетание появляется впервые, появляется оно не в еврейском источнике, а в словаре немецких выражений Карла Фридриха Вильгельма Вандера [Wander 1867–1880, 3: 930, № 1173]³. Как бы то ни было, культурные и лингвистические

² О других, менее известных еврейских городах глупцов см., например, сборник Ефима Райзе (1904–1970), на котором Дымшиц основывает свою статью [Dymshits 2004]. См. также [Дымшиц 2000].

³ Существительное «*paronim*» («дураки») во фразе, которую записал Вандер, — «*Chelmer Narrunim*» — не является ни ивритом, ни немецким языком, но комбинацией этих двух языков, которая и составляет идиш. Иногда встречающееся окончание множественного числа из иврита, присоединенное к немецкому слову «*Narr*» («дурак»), — является классическим примером слияния, делающего идиш тем, что лингвист Макс Вайнрайх назвал «*shmelts-shprakh*» («сплавленный язык») [Weinreich M. 2008, 2: 622].

корни репертуара хелмских историй на идише уходят далеко за рамки XIX века, по крайней мере в позднее Средневековье, и в задачи этой книги входит их распутать.

Хотя многие полагают, что хелмские истории предназначались для детей, изначально они, как и «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта, были написаны для гораздо более широкой аудитории, и они продолжают оставаться источником сочинений для взрослых. В этой книге также предлагается первый всеобъемлющий обзор всех сборников хелмских историй и их предшественников на идише, опубликованных в период с 1700 года по настоящее время. Хронологический подход помогает понять, как и почему эти истории развивались в еврейской культуре и что они могут рассказать нам о евреях и их взглядах на собственное сообщество, а также об их отношениях с обществом в целом. В этой книге утверждается, что Хелм и предшествовавшие ему центры глупости на протяжении более чем трех столетий функционировали как ироничная модель еврейского общества, одновременно утопия и антиутопия, воображаемое место, на которое периодически проецировались меняющиеся вопросы о еврейской идентичности, общине и истории.

Самое главное, что основная часть историй о Хелме происходит не из самого Хелма. Они берут начало в немецком источнике раннего Нового времени — знаменитой книге 1598 года «*Schildbürgerbuch*» («Книга о шильдбюргерах»). Эдвард Портной удачно подытожил современное состояние знаний в Энциклопедии евреев Восточной Европы YIVO, написав, что «эти истории впервые вошли в еврейскую культуру как истории шильдбюргеров, и неясно, когда они стали связываться с городом Хелмом» [Portnoy 2008a, 2: 2027].

Таким образом, хотя ни одна группа текстов не ассоциируется сегодня с восточноевропейской еврейской культурой и идентичностью так тесно, как «хелмский канон», одновременно ни один другой свод еврейской литературы не переплетается настолько тесно с немецкой литературой и немецкой культурой. Чтобы понять истоки литературного Хелма, необходимо знать о соответствующих немецких традициях, которые в виде «Книги

о шильдбюргерах» восходят к концу XVI века. Это чрезвычайно популярное произведение немецкой юмористической литературы обрело популярность на идише в XVIII веке и оказалось первым из нескольких основных явлений, под влиянием которых в конечном итоге сформировался корпус хелмских историй.

В этой книге анализируются связи между немецкой и еврейской традициями и оспариваются прежние предположения о том, что эти истории были просто переведены с немецкого и через посредство старого идиша попали в современный идиш. В книге будет показан длительный процесс обмена между немецкой и еврейской литературами, начиная с позднесредневековых народных романов, текстов эпохи Просвещения и заканчивая этнографическими работами конца XIX — начала XX века. В ней также будет показано, что литература раннего Нового времени оказала устойчивое влияние на литературу более позднего периода.

История хелмских мудрецов помогает уточнить наше понимание взаимосвязи между еврейской и христианской традициями, того, что у них общего, и того, в чем они различны. Более того, хелмские сказки позволяют авторам не просто развлекать читателей, но и в игровой форме исследовать целый ряд еврейских социальных проблем. Когда хелмские истории были перенесены в Америку, даже такие известные писатели, как Ицхок Башевис Зингер, использовали их для критики различных аспектов еврейского общества.

* * *

С конца XIX века облик Хелма для евреев оставался двойственным. Хелм был в одно и то же время реальным и воображаемым местом. Город, который в XVI веке был пристанищем для крупной ешивы и для создавшего голема каббалиста Эли Бал Шема из Хелма, а в начале XVII века — для ведущего талмудиста Шмуэля Эдельса, так и не смог восстановить свой культурный авторитет после разрушений, понесенных в ходе восстания Богдана Хмельницкого (1648–1657).

Рис. 2. Синагога в Хелме, ул. Коперника, д. 8

В XIX веке Хелм считался оплотом консерватизма, вплоть до Первой мировой войны успешно противостоявшим попыткам создать реформированные хедеры или современные общественные учреждения⁴. Дни его интеллектуальной славы остались в прошлом, а еврейская культура в прогрессивных кругах счита-

⁴ Об истории еврейского Хелма см. [Wodziński 2008]. См. также «Виртуальный штетл», совместный веб-сайт Музея истории польских евреев «Полин» и Еврейского исторического института в Варшаве. URL: <https://sztetl.org.pl/en/towns/c/41-chelm> (дата обращения: 20.01.2026).

лась монополией мракобесов. В 1860 году из 3637 жителей города 71 % составляли евреи, и преимущественно еврейским Хелм оставался до начала 1930-х годов, однако к 1939 году его 14 495 евреев составляли менее 45 % населения.

В 1940 году немецкие оккупанты разрушили старую синагогу, а в следующем году в городе было создано гетто, большинство жителей которого были отправлены в расположенный неподалеку лагерь смерти Собибор. После Второй мировой войны несколько сотен евреев вернулись в город, но большинство уехало через год, и сегодня там уже не осталось евреев. Кладбище существует до сих пор, хотя и без многих старых надгробий. Несколько археологических фрагментов, найденных при раскопках на месте старой синагоги и представляющих интерес для еврейской истории, выставлены в городском краеведческом музее⁵.

Тем не менее дух безрассудства до сих пор уверенно преследует еврейский Хелм. Бывшая Новая синагога, построенная в 1912–1914 годах, сохранила исторические очертания, а над входом по-прежнему видны десять заповедей. Это здание было переоборудовано под бар в стиле вестернов «Салун Маккензи», стены которого украшены ковбойскими атрибутами, а кабинки напоминают крытые повозки. Наверху располагается современный танцпол. В дальнем конце зала, на том месте, где над *орн-койдешем*⁶ ожидаешь увидеть *нер томид*⁷, подвешен мерцающий зеркальный шар⁸.

* * *

Исследования, посвященные воображаемому Хелму, встречаются крайне редко. «Yizker-bukh Khelm» («Книга памяти Хелма») 1954 года на идише и вторая «Книга памяти Хелма», изданная

⁵ В 2010 году в музее была организована выставка, посвященная евреям Хелма, но мудрецы в сопроводительном томе упоминаются лишь вскользь. См. [Mart 2010].

⁶ Букв. священный кивот (*иврит / идиш*) — архитектурно оформленная ниша для свитков Торы.

⁷ Букв. вечная свеча (*иврит / идиш*) — неугасимая лампада.

⁸ См. [Schaechter 2006].

в 1981 году на иврите, содержат несколько статей на эту тему [Bakaltshuk-Felin 1954; Kanc 1981]⁹. Дов Садан, первый профессор литературы на идише в Израиле, опубликовал о Хелме две статьи, одну на иврите, другую на идише, но обе они грешат повторами и, по сути, спекулятивны [Sadan 1954; Sadan 1986].

Из своеобразных «ассоциативно-лингвистических» догадок Садана наиболее убедительна его мысль о возможной обусловленности связи Хелма с глупостью тем, что название города напоминает слово на идише «khoylem» (сон, греза, мечта, в том числе пустая). Он также предполагает, что большое значение имеет сходство слова «khoylem» с еврейским словом «goylem», обозначающим автомат, куклу, болвана, как в прямом, так и в уничижительном смысле, как, например, в выражении на идише для обозначения глупого ребенка «khoylem goylem» («мечтательный болван»)¹⁰.

Садан также предлагает теорию, согласно которой слово «khokhomim» (мудрецы) указывает на город Хелм благодаря аллитерации, но эта теория не может быть подтверждена, поскольку фраза «Khelmer khakhomim» («хелмские мудрецы») вошла в обиход только через несколько лет после появления первоначального термина «Khelmer naronim» («хелмские глупцы»)¹¹. Тем

⁹ Критический обзор «Книги памяти Хелма» 1954 года см. в [Shatzky 2011: 73–74]. Негативную оценку Шацкого обсуждают Джек Кугельмасс и Джонатан Боярин в предисловии к книге [Kugelmass, Boyarin 1998: 25]. Кугельмасс и Боярин также приводят перевод «Заслуги предков и благословения смеха» Исроэля Ашендорфа из [Bakaltshuk-Felin 1954: 171–172].

¹⁰ Большое спасибо Дов-Беру Керлеру за его тонкую и квалифицированную защиту подхода Дова Садана в личном сообщении. См. также примечание Б. Вайнрайха: «На занятиях по еврейскому фольклору в Университете Южной Калифорнии в 1948 году доктор Макс Вайнрайх предложил в качестве возможного объяснения статуса Хелма как архетипического еврейского города глупцов тот факт, что первая история о создании голема в Восточной Европе имела место именно в Хелме» [Weinreich B. 1988: 405n3].

¹¹ В самых ранних хелмских историях на идише название города пишется с начальной буквой *хес*, как и еврейские слова «khoylem» и «khakhomim». Однако в более позднем написании названия города Хелм на идише используется начальная буква *хоф*.

не менее вполне вероятно, что легкость, с которой фраза «Khelmer khakhomim» слетает с языка, сыграла определенную роль в быстром успехе этого понятия.

Рут Вайс в книге «The Schlemiel as Modern Hero» («Шлемиль как современный герой», 1971) кратко рассматривает структуру хелмских рассказов, а Хоне Шмерук в статье «Yitskhok Bashevis: Der mayse-dertseyler far kinder» («Ицхок Башевис-сказочник», 1995) обсуждает хелмские рассказы Зингера и сравнивает их с более ранними рассказами [Wisse 1971: 10–12; Shmeruk 1995: 259–270]. В статье Ора Роговина 2009 года предлагается глубокий анализ мотива *штетла* в некоторых хелмских рассказах И.-И. Трунка, относящихся к периоду после Холокоста [Rogovin 2009].

Этим соответствующая литература исчерпывается. Хелмские истории и их происхождение изучены явно недостаточно. Более глубокое понимание того, как эти тексты возникли, слились с другими традициями и развивались дальше, позволит понять нарративную традицию, связанную с немецкой и еврейской литературой и историей. Подобный проект также должен затрагивать логику культурного обмена, формирование культур меньшинств и жизнеспособность фольклора.

* * *

Первая глава этой книги начинается с обсуждения места Хелма в послевоенной и современной американской культуре. В ней рассматриваются примеры хелмской литературы, написанной или представленной на сцене в США, начиная с середины XX века, например, пьесы Арнольда Перля «Мир Шолом-Алейхема» (1953), до сих пор хорошо известной, хотя ее в значительной степени затмил «Скрипач на крыше» (1964).

Начиная со Второй мировой войны хелмские истории больше не возникали в Европе, а стали в основном продуктом Нового Света, в частности Нью-Йорка. Это касается как пересказа старых историй, так и создания новых, а кроме того, историй, рассказываемых как на английском, так и на идише. Нью-Йорк был не только местом, где оказалось множество еврейских писателей-

эмигрантов, но и городом со своим собственным шутовским, безумным нравом. Именно это, несомненно, имели в виду Вашингтон Ирвинг и его коллеги — редакторы сатирического журнала «*Salmagundi*», когда применили к Нью-Йорку привязчивое название «Готэм» и назвали его жителей «мудрецами Готэма», в честь ставшего нарицательным названия деревни дураков, фигурирующей в английском фольклоре¹².

Во второй главе я возвращаюсь к основам европейской смеховой культуры эпохи позднего Средневековья и рассматриваю место глупости в еврейской культуре с XV по XVIII века, чтобы объяснить контекст, в котором возникла литература о глупцах, такая как «Книга о шильдбюргерах» и ее немецкие и еврейские переработки.

Третья глава более подробно знакомит с «Шильдбюргербух». Эта классическая немецкая книга содержит истории, которые составляют основу хелмского канона и служат образцом для других хелмских историй. Именно здесь, можно сказать, начинается история о наших мудрецах, поскольку одно из поздних изданий «Шильдбюргербух» послужило основой для точного перевода с немецкого на старый идиш.

В четвертой главе сравниваются все четыре сохранившихся издания «Шильдбюргербух» на старом идише, напечатанные в Амстердаме (1700 и 1727), Оффенбахе (1777) и Фюрте (1798).

Немецкая литература эпохи Просвещения в основном игнорировала литературные модели и темы раннего Нового времени, но парадокс о глупом мудреце, воплощенный в рассказах о шильдбюргерах, был заметным исключением и оставался популярным на протяжении всего этого периода.

В пятой главе проанализировано влияние переделок «Шильдбюргербух» эпохи немецкого Просвещения на написанные на идише и иврите произведения еврейских маскилов (просветите-

¹² Вашингтон Ирвинг, Уильям Ирвинг, Джеймс Кирк Полдинг и другие. С января 1807 по январь 1808 года вышло 20 номеров этого журнала. Уже во втором номере Нью-Йорк назван Готэмом, и в дальнейшем это название повторялось неоднократно. «Мудрецы Готэма» появились в третьем номере (13 февраля 1807 года). См. [Burrows, Wallace 1999: XII–XIV, 417–418].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru